

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Глава 1

ВСЕ ДЛЯ ФРОНТА

...Вика Тимофеев с утра надел теплые кальсоны «с начесом», штаны из толстого сукна, на ноги намотал байковые портянки, обул разношенные валенки. Свитер нацепил — толстой «бабушкиной» вязки, ватник накинул, ушанку нахлобучил, и все равно мерз.

Виктор уныло шмыгнул красным носом, стянул варежки, поднес озябшие руки ко рту, погрел дыханием. Черт, холодина какая... Правду говорили, что зима в 41-м была на редкость лютой.

Встав со стула, Тимофеев попрыгал, побоксировал с тенью — молодая кровь зажурчала шибче — и обошел всю раскомандировку.

Так называлось это помещение в цеху, больше всего похожее на веранду. Обстановка тут была спартанская: пара столов, стул, несколько скамеек да сейф, сваренный из котельной стали.

Раскомандировка задрожала, затряслась мелко — это вдоль цеха прокатилась кран-балка. Виктор приблизился к окну, подышал на иней, протавивая «дырочку». Потер пальцем и глянул наружу.

Цех терялся в полутьме — запыленные оконца плохо пропускали свет. Вдоль всего корпуса сто-

яли в ряд танки «КВ». Целая колонна выстроилась от ворот до ворот.

Моторные отделения танков казались развороченными — оттуда тянулись какие-то патрубки и провода. «Кишок-то, кишок...»

Всем «Климам» меняли двигатели, ставили дизели помощней — в 850 «лошадей», а самое главное — встраивали новые коробки передач, разработанные инженером Шашмуриным. Вернее, как..

В той реальности, что была Тимофееву памятна, Николай Федорыч взялся за КПП гораздо позже, летом 42-го вроде, но с их приходом, с «попаданчеством» этим, история буксовать начала, на иную колею сбиваться стала. Короче говоря, Исаев живо привлек этого «самородка», поплыл против «естественного течения событий».

Шашмурин чего придумал? Отливать картеры не из дорогого «цветмета», а из чугуна, и детали трансмиссии тоже не из легированных сталей делать, а из обычных, только закаленных токами высокой частоты. Моторесурс мигом вырос, а тяжелый танк уже не ползал по полю, как жук полудохлый, а шустро носился, догоняя «тридцатьчетверки».

Так «КВ-1» превратился в «КВ-1С». Последняя буквочка означала «скоростной». Это, впрочем, не их заслуга, такая модификация действительно появилась в *той* реальности. Они просто поторопили события, подстегнули клячу истории.

Опять разошелся гул — это кран-балка пронесла танковое орудие ЗИС-6. Сто семь миллиметров. Совсем другое дело.

А то — тяжелый танк, а пушка как на «Т-34»! Не-серьезно.

Зато теперь будет «КВ-1СМ». «Скоростной модернизированный» то есть. А вот за это уже им, «гостям из будущего», надо спасибо сказать. Совершенно непонятно, почему и отчего, но задуманный танк со 107-мм орудием так и не пошел в серию.

Тимофеев поежился. Ничего удивительного, что такой колотун стоял, — завод не отапливался. Не потому, что директор был жестоким человеком или скупердяем. Просто топливо отсутствовало — «Все для фронта, все для победы».

Вот такой приоритет. И завод не пустовал — на смену выходили настоящие деды, которым лет за семьдесят было, и сопляки-подростки. Тетки работали, чьи мужья ушли на фронт, и девушки.

Парни тоже были — молодых, призванных в армию, их направили служить сюда, на оборонный завод. Они жили неподалеку, в общежитии, тоже нетопленной.

Полуголодные, уходили рано-рано на завод, возвращались, съедали свой скудный паек и укладывались спать — в тех же ватниках, в которых работали. И как работали!

Выдавали план с перевыполнением на тысячу процентов! Пахали неистово, ожесточенно, так, словно врага били.

Каждое утро по улице, что вела к заводским воротам, разносился частый перестук — это шли новобранцы-работяги. Башмаки им выдали нормальные, кожаные, но почему-то с деревянными подошвами. Так вот и щелкали.

Вика подумал, что именно здесь, на заводе, он окончательно понял здешний народ. Проникся, так сказать.

Этих людей нельзя было победить. Немцы еще тужились под Москвой, сила ломила немалая — вся Европа, считай, билась с Советским Союзом, но русские не сдавались.

Тимофеев задумался. Сколько они уже тут? Да считай, почти что с самого начала Великой Отечественной. С ума сойти...

Марлену было проще, он давно уже отошел от их компании — там, в далеком, почти сновидном XXI веке. Оторвался, так сказать, от коллектива. И в армии отслужил, и отучился, и даже работу себе завел. Конечно, все у него было малость понарошку, по-детски как-то. «Золотая молодежь», что вы хотите.

Исаев угодил в ВДВ не потому, что рвался «в ряды», а назло отцу, посчитавшему сынка мажором и чмошником. В вузе Марлен так и не доучился, да и работа... Какая, на фиг, работа?

Так, игрался в детективное агентство. И доигрался...

Вика вздохнул.

Когда они искали пропавшего без вести Мишку Краюхина, а нашли межвременной портал, открывавшийся в лето 41-го, для Марлена все стало ясно. Игры кончились.

Исаев ушел на фронт и возвращаться в благополучное и безопасное будущее не собирался. По крайней мере, до Победы.

Уже и поиски Краюхина отошли для него на второй и третий план.

А когда «пропажу» нашли-таки, Марлен с Мишкой сразу спелись — их не «войнушка» увлекла, они просто не могли бросить своих товарищей, своих однополчан. Вернуться в будущее означало для них дезертировать.

Вика криво усмехнулся. А вот он бросил своих...

Позорище... Хотя... Ну, не струсил же! Бежал через передовую, в немецкий тыл! Хватило ж ума...

Та «попытка к бегству» ему здорово мозги прочистила. Стальной щеткой прошлась, до сукровицы ободрала старую кожу, сбросила ее, как шелуху, и вот он, голенький, в крови и слизи, корчится, заходится от крика. Больно ему, видите ли.

— Жизнь дается лишь дважды... — пробормотал Тимофеев. И понурился.

Удивительно, до чего классик марксизма-ленинизма прав был: бытие определяет сознание. Так иногда определит, что глаза на лоб лезут...

Он до сих пор не вполне верит Исаеву. Может, тот просто так сказал, что все в порядке, а на самом деле презирает бывшего «корифана» за трусость и предательство? А если и так?

Разве Марлен не вправе думать о тебе плохо? А, Витек? То-то и оно...

Может, он потому и рвется так в «передовики производства», чтобы вернуть хотя бы долю уважения у Исаева? Может, и так.

Да нет, тут все сложнее. И проще. Вот тебе тест.

Скоро Красная Армия освободит Смоленск, и портал окажется в «зоне доступа». И что? Ты сразу кинешься обратно, к супермаркетам и «ночникам», дорогим машинам и покладистым моделям?

А почему же ты именно на этот завод чаще всего наведываешься? Да не абы когда, а в Ритину смену? А? То-то же.

Рита — студентка, спортсменка, комсомолка и просто красавица. «Снять» такую невозможно в принципе. Ты с ней будешь год встречаться, и дальше поцелуев у вас дело не дойдет.

Но ты-то согласен на подобные отношения, верно? В Рите есть то, что в будущих девицах подрастрачено.

Гордость, стыдливость, отзывчивость, доброта и... какая-то... нежная чистоплотность, что ли. Где ты еще такую найдешь, в каких временах? Ну, разве что в XIX веке. Тургеневская девушка...

Рита работала сварщицей. Упрямо осваивала мужское ремесло. Он и познакомился-то с ней благодаря сварке.

Проходил по цеху, куда затащили пару «КВ» с фронта — без гусениц, со страшными «ямками» в броне — следами попаданий. Слышит — ругается кто-то шепотом, нежным таким шепотом, а фоном — сварка трещит и подсвеченный дым клубами.

Рита была в большой, не по размеру брезентовой робе, совершенно скрывавшей фигуру, но никакая маска не могла спрятать длинную стройную шею. И маленькое ушко, и завиток волос.

У девушки не получалось — электрод «залипал», трансформатор возмущенно гудел, а сварочный огонь тух.

— Давай покажу, — неожиданно для себя сказал Тимофеев.

Рита обернулась к нему, подняла маску...

И Вика влюбился окончательно.

Не подавая виду, он уверенно взял девичью руку, сжимавшую держак, и мягко повел ее, прикрываясь ладонью от лилового «зайчика».

Варить он умел, у него это как-то легко и сразу получилось еще в школе, когда дядька чинил старую-престарую «Волгу» у себя в гараже.

— Вот та-ак... — ворковал он, слушая прерывистый треск разряда. — Не спеши, пусть заплывится как следует...

Обстучав молотком горячий шов, Рита подняла лицо и улыбнулась.

— Спасибо, Виктор Владимирович...

...Тимофеев вздохнул. Вот так вот...

Он даже самому себе не признается, что его тут удерживает, в этом суровом, жестоком, но чистом мире. Нет, не Рита даже.

Девушка — это радость, это томление, надежды на маленькое счастье. В принципе, возможен вариант, когда они с Ритой...

Да, они с Ритой! Берутся за руки и минуют портал. И оказываются в будущем. Девушка, наверное, в ужас придет от грядущих порядков, от тогдашних буржуев и «загнивающего империализма» отечественного разлива. Но вариант-то существует!

Так что не в Рите дело. Дело все в том отношении, которое он чувствует к себе. Его тут уважают, ценят, он здесь по-настоящему нужен. Впервые в жизни к нему обращаются по имени-отчеству!

Нет, конечно, Маргаритка могла бы и понежней отнестись, поласковой. Витенькой, там, называть. Но это все будет, обязательно. Со временем.

А он никуда не спешит! У него прорва лет впереди.

И он стал лучше понимать того же Марлена, устроившего себе работу. Конечно, детективное агентство — это так, пережиток детства, но хотя бы ясно стало, в чем тут суть.

А вот в этом самом уважении. В признании. В востребованности.

Да он даже ходить по-другому стал — выступает с этакой основательностью, с чувством собственного достоинства...

Кто бы мог подумать, что скучные занятия по экономике и менеджменту пригодятся! Пригодились.

Он даже в азарт вошел. Марлен с Мишкой изобретают, внедряют в производство всякие штучки-дрючки, а он это самое производство как раз и организывает, продвигает, продавлиывает, пропихивает.

Вон сетевые графики ввел — метод замечательный. И узкие места сразу просматриваются, и заметно, кто отстает. А неделю назад летали на Урал, куда перевели выпуск «КВ». Ему такой мандат выдали, что директоров, знакомившихся с бумагами, в пот бросало. А еще с ним двух энкавэдэшников послали, оба в звании майора, только один спокойный, флегматичный даже, а другой утрюмый, сосредоточенный. Как упрется своим тяжелым взглядом, так тебя сразу к ручке потянет — накапать чистосердечное...

НКВД — это сила, тем более что в наркоматах, да и на заводах полно всякой шушеры. Не хотят они крепить обороноспособность Родины, им легче по накатанной дорожке. Наладили выпуск тяжелых танков? Наладили. Вот и будут их шлепать.

А то, что «КВ» еле таскаются, что у них трансмиссия слаба и летит постоянно, никому и дела нет. Бывало, что новенький «КВ» еще с завода не вышел, а уже ломается. Марлен рассказывал, что в Курской битве «КВ-1С», то есть шашмуриной переделки, часто горели из-за того лишь, что ме-

ханики-водители боялись быстро ездить — помнили, как прежние модели «Климов» из строя выходили.

Да и с пушкой этой тоже странностей полно, действительно. Главное, еще весной 41-го Грабин ставил свою мощную 107-миллиметровку на «КВ», и со Сталиным у него разговор был, и вождь дал «добро», но вот где-то по пути на завод все потерялось, забылось, и продолжили танкостроители клепать старые танки с пушками-«окурками».

Чья вина? А как бы ничья!

Просто «сложилось мнение». Дескать, лучше побольше танков дать фронту, чем всякими там усовершенствованиями заниматься.

Ну правильно, ведь те, кто принимал такое решение, на фронт не отправлялся и в танках не горел. Всполошились, конечно, после Курской битвы, когда немцы напустили на наши танки «тигров» и «пантер», да и выбили половину советской бронетехники. Быстренько и «тридцатьчетверке» 85-мм орудие вставили, и выпуск могучего «ИС-2» наладили.

А раньше вы где были?

Послышались голоса, под ногами загремел металлический трап, и Тимофеев быстренько вернулся в реал.

В раскомандировку ввалились трое — безликий Савин, директор завода, похожий со своим пенсне на отощавшего Берия, Шашмурин и Грабин. Шашмурин смахивал на Павку Корчагина — и обликом, и возрастом, а Грабин в генеральском кителе, видневшемся под тулупом, с аккуратной бородкой и усами, чем-то напоминал белогвардейца.

— Здравствуйте, товарищ Тимофеев! — грянул генерал.

— Здравия желаю, Василий Гаврилович, — улыбнулся Виктор.

Грабин хохотнул и скинул тулуп. Жарко ему, видите ли...

— Приветствую, — сказал Шашмурин, пожимая руку Тимофееву.

Савин замученно растянул губы, изображая приветливую улыбку.

— Я разговаривал с товарищем Сталиным по телефону, — энергично забасил Василий Гаврилович, продолжая, видимо, прерванный разговор, — и мне тогда прямо сказали: есть мнения, что «КВ» вооружен маломощной 76-мм пушкой, недостаточной для тяжелого танка. Товарищ Сталин меня прямо спросил: «Вы уверены, что 107-миллиметровую пушку можно поставить в тяжелый танк?» Да, говорю, уверен! А Иосиф Виссарионович и говорит: «Это очень важно, товарищ Грабин. До тех пор, пока мы не вооружим тяжелый танк такой пушкой, чувствовать себя спокойно мы не можем». Вот так! Слово в слово! И что? А ничего! Летом выпустили пять орудий, и все на этом!

— Именно их мы и ставим сейчас, — робко вмешался Савин.

— Это просто здорово, — нетерпеливо ответил Грабин, нервно-зябко потирая руки, — но нам нужны сотни орудий! Сотни!

— Танки не готовы...

— Так готовьте!

— Не ссорьтесь, — примирительно сказал Шашмурин. — И не забывайте, что мы не на Кировском. Товарищ Савин не выпускает танки, он

их ремонтирует. В нашем распоряжении двадцать с лишним «КВ», которые мы должны... как вы вчера сказали, Виктор Владимирович? От... что?

— Отапгрейдить, — улыбнулся Тимофеев. — Товарищи, у нас задача куда проще, чем у производителей, — заменить орудие, двигатель и КПП на серийных танках. Быстренько их переделать и обкатать, поглядеть, что получилось. А то пойдет новый танк в валовое производство, и начнут вылазить всякие «детские» болячки. Те машины, что стоят в цеху, все равно требуют кап-ремонта, вот и откапиталим их!

— В смысле, от-ап-грейдем, — отдельно произнес Шашмурин и ухмыльнулся. — Горьковский завод № 92 только разворачивает выпуск «ЗИС-6», Василий Гаврилович... Ха! Только! Да это победа, товарищи! Неужели вы не понимаете? Мой «КВ» наконец-то излечится, из инвалида превратится в спортсмена, бегать будет! Стрелять будет! Да так, что немцам жарко станет!

Неожиданно зазвонил телефон. Савин был ближе всего, он снял трубку и сказал:

— Да? Да, это я... Да, да! Конечно!

Осторожно, будто гранату, положив трубку, директор обернулся.

— Поскребышев звонил! — выдохнул он, обращаясь к Виктору. — Вас вызывает товарищ Сталин!

— Блин! — огорчился Тимофеев. — Тут дел столько...

Заметив выражение лиц присутствующих, он улыбнулся.

— Да еду я, еду! Куда я денусь...